

sign appears, can not be in doubt. So small shazhochek in the understanding of human existence, the formula is made in advance. You can express this idea, and so that where the soul is trying to implement (to understand) himself in the space-time form, attach themselves to a particular mode of existence, there appears everywhere a sign as a way of objectifying, symbolizing the fact that can not be strictly localized in spatial temporary (material or physical) form. The sign symbolizes the transition from the heart (and mind) to reality.

Keywords: *sign, myth, symbol, mifologika. anthropology.*

УДК 165.43

Павленко И. В.

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Днепропетровский национальный
университет имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

КОНТЕКСТЫ ИСТИНЫ

Аннотация. *Рассматривается понятие истины в качестве важнейшей подструктуры обыденного сознания. Наивные представления об истине сопоставляются с современными философскими концепциями истины.*

Ключевые слова: *истина, релятивизм, контекст, семантика, множественность.*

Целью настоящей статьи является представление особой версии релятивизма в отношении истины, основанной на понимании последней в качестве важнейшей семантической подструктуры обыденного сознания. Истина представляется не только и не столько в качестве эпистемологической процедуры, сколько в качестве семиотического объекта, обладающего собственными специфическими характеристиками.

Актуальность данного вопроса определяется тем, что истина – один из важнейших терминов философии, но также – одна из ключевых ее проблем. Можно говорить о проблеме истины в современной науке, философии и пр., однако сама по себе истина не является проблемой, да и у самой истины проблем не бывает. Скорее следует говорить о трудностях в связи с установлением истины в отношении той или иной реальности и тогда истина представляется как отношение, процесс или процедура. Иначе говоря, разговор об истине в любой ее трактовке приводит к появлению проблем.

«Vom W e s e n der Wahrheit ist die Rede» – «О сущности истины идет речь». Так начинается известная работа Хайдеггера об истине (1943) [5, с. 5] и так можно было бы начать большинство текстов, посвященных её рассмотрению. Известен и ответ Хайдеггера: «Сущность истины, понимаемая как правильность высказывания, есть свобода». [5, с. 14]. Или: «Сущность истины открывается как свобода. Это экзистентное, высвобождающее допущение бытия сущего» [5, с. 20]. Ответ, высказанный таким образом, заставляет нас прежде всего углубиться в существо самого вопроса.

Почти очевидно, что ответ на этот вопрос не может быть слишком простым и однозначным и не должен зависеть от чьего-либо частного решения. Все чувствуют здесь не только один из важнейших вопросов философии, но нечто далеко выходящее за рамки теоретической деятельности. Каким-то образом все мы лично заинтересованы в его разрешении.

Возможно, именно поэтому в любой концепции истины непременно находятся какие-либо изъяны. Так, темным пятном на нашем представлении об истине лежит

вопрос Пилата: «Τί ἐστὶν ἀλήθεια». Кто знает, что есть истина, может быть, вопрос не в том, в чем именно заключается истина или чем она бывает, но что она есть сама по себе или по своей сути? О чем, собственно, спрашивает Пилат? Если верно, что русское слово «истина» этимологически связано с «есть», т.е. с определенным наличием, существованием, то, в известном смысле, этот вопрос – тавтология, мы спрашиваем, что действительно есть или какова сущность того, что есть.

В этом вопросе Пилата, по всей видимости, отразились все подводные камни для любой возможной теории истины. Все они так или иначе связаны с признанием относительного характера истины. В наиболее общем виде – это отрицание «вечных» истин, абсолютной истины и т.п. Хитроумные оппоненты тут же ловят на слове: отрицание любой абсолютной истины само претендует на абсолютный характер, а потому противоречит самому себе. Здесь, правда, ускользает нечто важное. Абсолютность высказывания, отрицающего вечные истины, не того же рода, что и абсолютность самих вечных истин. В первом случае мы имеем дело с метаязыком, технической процедурой, лишенной всякого иного содержания, кроме самого отрицания, в отличие от вечных истин, которые, как правило, избыточно содержательны.

Тем не менее, отрицание абсолютной истины является либо постулатом, имеющим те же права, что и заявление этих истин, либо итогом рассмотрения и анализа ситуаций, в которых люди говорят, что нечто истинно, т.е. ситуаций истины. Поскольку эти ситуации так разнообразны и люди вечно спорят о том, что считать истинным даже в самых простых случаях, то разве можно говорить об абсолютной истине? Сам собою напрашивается вывод о том, что истина всегда релятивна и абсолютных или вечных истин не бывает.

Давно замечено, что релятивность истины многолика, поскольку отражает действительное многообразие человеческих свойств, оценок и предпочтений.

Можно выделить зависимость истины и представлений о ней от пола, возраста, этнической принадлежности, профессии, уровня образования и прочих бесчисленных факторов, наконец, моё понимание истины отлично от всех прочих, просто потому, что оно – моё, и ничье больше. Многие люди воспринимают истину как чье-либо ментальное образование, некую личную истину, личную «правду» каждого человека. При этом я могу знать эти частные истины, признавать или не признавать их, сопоставлять их со своими, в общем, манипулировать ими так или иначе.

Признание этничности или историчности истины еще более усугубляет ситуацию. Часто бывает так, что истина каждого последующего периода вовсе не отменяется, а скорее, наслаивается на предыдущую или входит в нее, например, при создании исторической или этнической мифологии.

Таким образом, относительность истин – это привычный и не подлежащий сомнению факт. Хотим мы этого или нет, нам придется иметь дело с релятивностью, если мы собираемся говорить об истине. Другое дело, как именно понимать эту относительность и как далеко мы готовы зайти в данном вопросе. Ясно, что радикальный релятивизм мало кого удовлетворит, а признание релятивности лишь этапом на пути к общим истинам или приближением к абсолютной истине, является философским трюизмом.

Релятивность истины, обнаруживает себя в форме действий или эффектов: суперпозиции, интерференции, интерполяции, инвазии истин. Число эффектов истины может быть многократно увеличено, вышеперечисленные приведены лишь в качестве примеров. Рассмотрим их подробнее.

Суперпозиция (*superpositus*) – наложение, наслаивание, напластование истин. Мы совмещаем различные истины в силу особенностей своей психологической организации, исторического пути или культурного развития. При этом истины не смешиваются, но соседствуют друг с другом, даже если они несовместимы по определению. Так, немало людей, исповедующих христианство, имеют мысли и переживания в связи с идеями реинкарнации, переселения душ и пр. Дети также демонстрируют

завидную гибкость и терпимость к противоречиям, совмещая в своем мировоззрении совершенно несовместимые вещи, путая и разрывая причинно-следственные связи, или составляя классификации в духе китайской энциклопедии Борхеса.

Интерференция (*interference*) – взаимное влияние, взаимодействие, столкновение истин. Истины проникают друг в друга, исходные истины взаимодействуют с более поздними или же имеются две или более исходных истин, которые создают взаимные помехи, создавая в результате либо устойчивый и узнаваемый коллективный стиль истины, либо некий идиолект истины, индивидуальную манеру в отношении истины.

Интерференция истин – более сложный эффект, вызванный диахроническими изменениями истины и необходимостью взаимодействия с другими типами истин, например, когда ученый подвергает редукции наши наивные представления о мире, при этом, в сущности, ничего не редуцируя психологически. Мы и после этого видим Землю плоской, Солнце вращающимся вокруг Земли и т.д. В более сложных случаях речь идет о событиях одного порядка или одного онтологического плана, например, ментальных процессах и продуктах воображения. Людям свойственно принимать свои или чужие фантазии за реальное положение дел, особенно, если речь идет о прошлых или будущих событиях. При этом реальные контексты вовсе не отменяются, но взаимодействуют с виртуальными.

Интерполяция (*interpolatio*) – вставки, дополнения или искажения истин при передаче, интерпретации, – редактирование истин. Интуитивно предполагается, что у каждой истины имеется некая исходная форма, которая принадлежит только ей и которая может быть искажена последующими процедурами. Этот эффект напоминает о том, что истина ничем не гарантирована, раз возникнув, она подлежит изменению и искажению, она подвержена многочисленным рискам, причем, главная опасность исходит от самого владельца, носителя истины. Слова пророка или оракула, переданные неверно или неверно истолкованные, могут исказить существо пророчества. Часто исходный замысел подвергается такой правке и корректировке, что от него ничего не остается. Это происходит не только с отдельными людьми, но и с целыми культурами, религиями, политическими системами и пр.

Инвазия (*invasio*) – вторжение, интервенция, проникновение чуждых истин, истин-вирусов, изнутри разрушающих действующую модель. Зерно сомнения способно прорасти даже в самой устойчивой и надежной системе истин. Таковы сомнения приверженца какой-либо религии, идеологии, этической доктрины. Состояние когнитивного диссонанса или наличие моральных коллизий – типичные примеры инвазии истины.

Обладает ли истина одной сущностью, или и здесь мы можем говорить о выборе некоторых сущностных свойств? Но разве мы говорим о сущности истины, спрашивая о ней, как о феномене? Ведь истина не является феноменом, рядоположным всем прочим. Истина, строго говоря, вообще не является и никак не выглядит, она сама вполне может считаться сущностью всех прочих феноменов. Иначе говоря, истина – это сущность существующего, что бы мы под этим не понимали.

Наивные интуиции в отношении истины показывают, что основные теории истинности: корреспондентная, когерентная, прагматическая и релятивистская вполне укоренены в нашем обыденном мироощущении и языке. Истина как соответствие наших суждений действительности, как согласованность предложений в рамках некоторой знаковой системы, как отражение совокупного опыта, наконец, истина, понимаемая как вариативная, частная и вечно ускользающая величина – все эти позиции в той или иной степени присущи каждому человеку.

Здесь присутствует действительно когнитивное единство любых представлений человека об истине. Истина может рассматриваться как исходная и важнейшая антропологическая структура во всех аспектах рассмотрения (онтологическом, эпистемологическом, религиозном, этическом, эстетическом и пр.). Принципиальный

плюрализм и даже релятивизм исходных человеческих представлений об истине не придуман скептиками, циниками и аналитиками, – он изначально задан нашему мышлению и мировосприятию в целом. Тем не менее, несмотря на это, истина и представление о ней является инвариантой по отношению к любым частным трансформациям и теориям.

Мы легко различаем обыденное и научное понимание истины. Можно предположить, что научное определение традиционно производит редукцию наивного (исходного) представления, как в случае с геоцентрической системой, например. Это конечно не отменяет обыденной точки зрения, основанной на данных нашего опыта и подкрепленных некоторыми ментальными актами (привычка, вера, уверенность, желание и пр.).

Помимо этого существует также метафизическое и религиозное представление об истине, опирающееся в конечном итоге на идеальное удвоение реальности, на представление о том, что истинность в любом ее смысле должна быть гарантирована или обеспечена некоторым сверхличностным идеальным началом. Это, разумеется, без учета многочисленных вариаций на данную тему.

Прежде всего рассмотрим наивное, примитивное, антропологическое понятие истины. Что есть истина для нас психологически? Или, в соответствии с известной гипотезой, – какое представление об истине формирует тот или иной язык?

Так, истина этимологически связана с верой и верностью: др.-в.-нем. *wāra* – правда, истина; др.-англ. *wæg* – союз, обещание, верность, дружба; гот. *-wērs* – истинный, действительный, верный; то же значение в лат. *vērūs*; *veritas*; фр. *verité*; др.-ирл. *fiḡ*; вал. *gwīg* и т.д. Для всех этих языков исходным является индоевропейское: *uēṛā* – доверие, вера; *uēṛōs* – истинный. [4, с. 141].

Проще говоря, изначально вера и истина – это одно и то же. Процедура верования во что-либо означала признание это истинным, причем отнюдь не только слепо и безоглядно.

Иное усматривается в русской этимологии данного понятия: «Наше русское слово ‘истина’ лингвистами сближается с глаголом ‘есть’ (и с т и н а – е с т и н а). Так что ‘истина’, согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе понятие абсолютной реальности» [2, с. 15]. Примерно в тех же выражениях пишет и В.И. Даль: истый, истный – истинный, точный, подлинный, настоящий, тот самый, верный, неложный, прямой, правдивый; истота – естество, сущность, самая суть, существо предмета; «все что есть, то истина; не одно-ль и то же есть и естина, истина?» [1, с. 60].

Наконец, греческое *ἀλήθεια* – правда, истина, действительность, подлинность, верность, – традиционно интерпретируется как отрицание слова *λήθη* – забывание, забвение.

Все это позволяет построить первичную классификацию контекстов истины, которая связывается с:

- 1) существованием, наличием, с самим фактом присутствия чего-либо (истина есть то или всё, что существует);
- 2) имуществом, жилищем, домом, чем-то родным (истина – это некое имущество, достояние человека; истина – нечто родное и родственное, нечто кровное, своё);
- 3) правильностью восприятия, способностью адекватно воспринимать феномены и эффективно действовать;
- 4) правильностью суждений, правдивым описанием положения дел (истина как корреспонденция);
- 5) незабытостью, несокрытостью (истина – нечто открытое и незабвенное, то что невозможно спрятать или забыть);
- 6) верой и верностью (истина достойна доверия, ее не только «знают», в неё верят, ей доверяют);
- 7) общим мнением людей, согласием с традицией, с большинством представи-

телей своего сообщества, своей референтной группы: половозрастной, этнической, культурной, религиозной и др.

8) согласованностью элементов дискурса в рамках некоторой его системы или определенного сегмента языка (истина как когеренция).

Несмотря на многообразие значений слова «истина» и, соответственно, на многообразие самих истин, обыденное сознание полагает, что истина есть. Более того, истина доступна человеку, она находится где-то рядом или даже в нас самих. Действительно, понятие истины не выглядит избыточным в нашем лексиконе, мы размышляем о чем-либо или говорим что-то, слышим высказывания других людей и всегда соотносим сказанное и услышанное с какими-то известными нам критериями истинности.

Истина существует для нас так же, как и наши знания о мире, в качестве усредненной смутной понятности бытия у Хайдеггера («Das durchschnittliche, vage Seinsverständnis») [5, с. 6]. Таким образом, истина не просто есть или должна быть, она еще и понятна.

Однако этому простому, интуитивно ясному взгляду традиционно противостоит точка зрения, согласно которой истина никогда не дается человеку просто так. Постигание истины не происходит само собой, но требует определенных усилий. Так мог бы сказать и платоник и стоик, так считают и многие современные философы, например, М. Фуко, полагающий, что «... субъект как таковой не может прийти к истине и даже не вправе претендовать на это. <...> Истина дается субъекту только ценой введения в игру самого существования субъекта. Ибо такой, какой он есть, он не способен к истине» [3, с. 28]. Трансформация субъекта и его обращение к истине осуществляется многими способами: просветление, озарение, работа над собой и пр.

Таким образом философия пытается произвести прояснение и редукцию наивных представлений об истине, представляющих собой скорее некое смутное переживание, нежели действительное знание о том, что есть истина. Этимология слова «истина» способна описать и прояснить первичные представления о данном предмете, однако она ничего не скажет нам о том, что же есть истина или о том, почему мы имеем представление о ней или почему мы думаем, что истина вообще есть.

Может ли быть поставлено под сомнение само существование истины? Что означает отрицание истины во всех возможных аспектах? Что означало бы мое высказывание или убеждение в том, что истины не существует или о том, что ни одно высказывание не является истинным? Данное суждение не выдерживает собственной тяжести.

Простое отрицание истины не соответствует нашим интуитивным представлениям о ней, поэтому наши сомнения в ее существовании имеют иную природу. Более распространенная форма нигилизма в отношении истины состоит в ее наивной релятивизации.

Большинство философов стремятся избежать релятивизма, пытаются найти хоть сколько-нибудь приемлемый баланс между двумя очевидными и неизбежными стремлениями человека: отстоять свою собственную «правду», индивидуальное право на истину, не теряя при этом связи с некоторой социальной, языковой, эпистемологической общностью, наконец, отдать должное смутным грезам об абсолютной истине.

Если мы решили признать множественный, а значит, так или иначе, релятивный характер истины, то нужно сделать и следующий шаг – признать, что любая общность истины – не более чем условность, техническая процедура или же традиция, конвенциональный предрассудок, поддерживаемый нашим языком.

В то же время, мы, как живые люди, обладающие многочисленными сходными характеристиками, не можем признать полную релятивность истины. Принадлежность к одному виду, строение тела, определенные психологические свойства, мно-

жество других соответствий, все это в конечном счете создает некий общий конгломерат (именно конгломерат, а не систему) человеческих представлений об истине. И релятивность нашего отношения к ней проявляется в том, что мы более или менее свободно выбираем тот уровень или контекст, в котором желаем находиться в данный момент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т.2. [Текст] / В. И. Даль. – СПб.: Диамант, 1996. – 784 с.
2. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т.1. [Текст] / П. А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 492 с.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. [Текст] / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. Изд. 2-е. [Текст] / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994. – Т.1. – 623 с.
5. Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit / M. Heidegger. – Frankfurt a. M., – Vittorio Klostermann, 1997, – 30 s.
6. Heidegger M. Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage. / M. Heidegger – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006, – 445 s.

REFERENCES:

1. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4-kh t. T.2. [Explanatory Dictionary of Russian language: The 4-ton V.2.]. – SPb.: Diamant, 1996. – 784 s.
2. Florenskiy P. A. Stolp i utverzhdnie istiny. T.1. [Pillar and ground of the truth]. – M.: Pravda, 1990. – 492 s.
3. Fuko M. Hermenevtika sub»ekta. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981-1982 uchebnom godu. [Hermeneutics of the subject. The course of lectures at the Collège de France in the 1981-1982 school year]. – SPb.: Nauka, 2007. – 677 s.
4. Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T.1-2. Izd. 2-e. [Historical and etymological dictionary of modern Russian language]. – M.: Russkiy yazyk, 1994. – Т.1. – 623 s.
5. Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit. Frankfurt a. M., – Vittorio Klostermann, 1997, – 30 s.
6. Heidegger M. Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2006, – 445 s.

Павленко І. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Контексти істини

Анотація. Розглядається поняття істини у якості найважливішої підструктури буденної свідомості. Наївні уявлення про істину порівнюються із сучасними філософськими концепціями істини.

Ключові слова: істина, релятивізм, контекст, семантика, множинність.

Pavlenko I., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophical sciences Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The contexts of truth

Abstract. Article it is devoted to consideration of the concept of truth as the major substructure of ordinary consciousness. Naive representations about truth are compared to modern philosophical concepts of truth.

Most philosophers seek to avoid relativism, trying to find anything like an acceptable balance between the obvious and inescapable human desire: to defend their own «truth», the individual right to the truth, without losing the connection with some social, linguistic, epistemic community, finally, pay tribute to the vague dreams of the absolute truth.

If we decide to recognize the multiple and, therefore, one way or another, relative nature of truth, we must take the next step - to recognize that every community of the truth - no more than a convention, a technical procedure or tradition, conventional prejudice, supported by our language.

At the same time, we, as human beings, have many similar characteristics, can not recognize the full relativity of truth. Belonging to the same species, body structure, certain psychological characteristics, many other matches, all this ultimately creates a total conglomerate (it is a conglomerate, and not the system) human notions of truth. And the relativity of our relationship to it is shown that we are more or less free to choose the level or the context in which we wish to be in the moment.

Key words: truth, relativity, context, semantics, multiplicity.

УДК 111.32

Пагута Л. Ю.

аспірант кафедри культурології та мистецької освіти
Дрогобицький державний педагогічний
університет імені Івана Франка
(Дрогобич, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

ОСНОВНІ ОСОБЛИВОСТІ САМОРОЗВИТКУ ОСОБИСТОСТІ: ФІЛОСОФСЬКИЙ АСПЕКТ

Анотація. У статті проаналізовано погляди науковців на особистість та аспекти її розвитку; визначено основні особливості саморозвитку особистості у сучасному глобалізованому суспільстві. Серед головних аспектів процесів розвитку та саморозвитку особистості виділено та охарактеризовано їх суспільний, діяльнісний, цілеспрямований, інтелектуальний, творчий та ціннісний характер.

Ключові слова: особистість, розвиток, саморозвиток, суспільство, суспільні відносини, діяльність, цілеспрямованість, самоствердження, самовиховання, інтелект, мислення, творчість, цінність.

Постановка проблеми. Людина... Усім відомо, що це найвища істота на Землі, найголовніша цінність, але в той самий час це ще й найбільша і, мабуть, найскладніша загадка, відгадку до якої ще й досі не знайдено. Так, якщо взяти будь-яку живу істоту – представника певного біологічного виду, то вона народжується рибою, птахом, твариною. З людиною все не так просто, адже належність її до біологічного виду «*homo sapiens*» є «лише умова людського, «родового» в людині, але ніяк не «сутність»» [5, с. 390], це не людина як така. При народженні дитина є «лише кандидатом в людину» (за Л. Рувінським), а щоб стати людиною, тобто відбутись як Людина, необхідно весь час працювати над собою, безперервно розвивати свої здібності з метою перетворення і створення себе та навколишнього світу в цілому. Це означає, що людина, на відміну від інших живих істот, повинна не просто плисти за течією по життю, не сприймати пасивно все, що дає природа та світ. Людина повинна постійно та активно займатись самовизначенням, самопізнанням, самоствердженням, самоконтролем, самозміною, самовдосконаленням, самовихованням, самоосвітою з метою реалізації та самореалізації можливостей своєї особистості у всій їхній повноті. Всі ці процеси у своїй сукупності складають необхідний для ефективної життєдіяльності кожної людини саморозвиток її особистості.

Аналіз останніх наукових досліджень. Особистісне становлення і розвиток можна зарахувати до питань вічно актуальних, адже проблема розвитку та саморозвитку особистості і досі не має однозначного вирішення. Вона була і досі залишається предметом дослідження багатьох науковців. Валерій Босенко у фундаментальній праці «Всеобщая теория развития» охарактеризував розвиток як рух: будь-який предмет постійно розвивається і не стоїть на місці. Він, таким чином, «і тут, і не тут», тобто одне є по суті одночасно те, чим воно є, і те, чим воно не є (заперечення себе) як протилежне самому собі, інше себе, в межах однієї сутності, а не якась інша заперечуюча сутність [4, с. 28]. Це ж саме можна сказати про розвиток особистості: